

Николай Дорфман

Жесть!

Жесть – холоднокатаная отожженная листовая сталь толщиной 0,1-1,2 мм с нанесенными защитными покрытиями из олова или специальными покрытиями, например, лак, цинк, хром и другие.

Жесть без защитного покрытия из олова называется не-луженой, или черной.

Википедия

«Жесть» – выражение, употребляемое в большинстве случаев молодыми людьми.

1. Нечто жестокое, неприятное, тяжелое, страшное.
2. Необычное событие или ситуация, вызвавшая сильные эмоции. Более эмоционально окрашено, чем «круто». Обычно употребляется для того, чтобы показать свое удивление или интерес к рассказанному.

Словарь молодежного сленга

Папа работал кровельщиком-жестянщиком. У него был замечательный жестяной ящик-чемоданчик для инструментов. Он никогда не оставлял его на работе (могли украсть, воровство процветало), уносил домой, а утром шел с ним на работу. Там лежали молоток обычный (железный), киянка (деревянный мо-

лоток), клещи, кровельные ножницы (для резки жести) двух-трех видов. Покупка ножниц была важным ритуалом. Они бывали большие и маленькие, их делали мастера на заказ. Продавали и в магазине, но как большинство серийных изделий, эти никуда не годились – отец выражался кратко: «Магазинные – гавно!» (почему-то в одесском выговоре «о» в первом слове слова «говно» звучало как «а», и я до зрелого возраста искренне считал, что это замечательное слово, хорошо приложимое почти ко всем явлениям окружающей

Николай Дорфман. 2009 г.

советской действительности, пишется через «а»). Еще там были 1-2 зубила, «пробойчик» (кern), 1-2 пары рукавиц, большой металлический циркуль, железная линейка, которую было принято называть «футик», мелкий карандаш, ну и обед (термос, бутерброды с колбасой, салом, иногда котлеты, курица, огурец или помидор, зимой соленый огурец, картошка в мундире).

Папа приходил домой поздно, усталым, часто с сильно запачканными руками и даже лицом, но вовсе не подавленным. Наоборот, очень веселым, тут же начинал отмываться мылом, керосином, брился, переодевался в чистое и садился ужинать, при этом рассказывал, что сегодня было на работе, и непрерывно хохмил. Процедура отмывания была совсем не простой: ни ванны, ни душа не было, а довольно долго и водопровода в квартире не было – воду носили со двора в ведре, и так в пятидесятые годы жила, наверное, половина населения Одессы. В работе была такая интересная особенность – в зимние месяцы отец почти не работал. Крыша скользкая, кровельный материал очень холодный, руки сильно мерзнут, красить нельзя и т. п. А главное, дожди и снег – раскроешь крышу, а тут пойдет дождь или снег, и вся

работа пропадет. Зато начиная с середины февраля в Одессе уже, как выражался отец, начинал «светить шарик». И еще он шутил: «Уже цыган на солнце зубы греет, надо начинать работать». Тут-то начиналась пахота, кровельщики старались использовать весь световой день, чтобы за весну, лето и осень заработать на зимние безработные месяцы. Зимой отец отсыпался, а иногда ездил по профсоюзной путевке в санаторий.

Здесь тоже подробности советского быта. В хорошее время года и в престижные санатории путевки давали только начальству и занимавшим определенное положение служащим. Напомню, что в паспорте была графа «социальное положение», которая заполнялась такими сословными клеймами – «рабочий», «колхозник», «служащий», «домохозяйка», «учащийся». Везде пели славу рабочим, но на самом деле рабочие завидовали служащим за то, что те приходят на работу не к шести или семи часам утра, а к восьми или даже к девяти (!), что у большинства служащих не бывает второй, или, того хуже, третьей смены, что у них отпуск длиннее (кажется, официальный отпуск рабочего составлял двенадцать рабочих дней, на всяких вредных производствах больше, а у служащих добавлялись дни за ненормированный рабочий день), что работа непыльная, то есть не грязная, в теплом помещении (для строителей это было особенно желанным). Другое дело, что толковый высококвалифицированный рабочий зарабатывал вдвое-втрое-вчетверо больше простого инженера из конструкторского бюро. И мой папа действительно прилично зарабатывал в сезон, не меньше профессора, как он хвастался.

Вернусь к зимнему застою. Надо было время от времени являться в родное СМУ на какие-то бессмысленные собрания, инструктажи, планирование будущих объектов. Иногда посылали на какой-нибудь объект что-то срочно залатать на крыше или починить водосточную трубу. За это платили мизерный минимальный оклад (в сезон оплата была сдельная). Все равно оставалось много свободного времени. Отец без работы маялся, но дела себе находил. Например, благодаря экономному расходу материалов и законным нормам на брак и отходы у него всегда оставалось небольшое количество жести, краски, олифы, и он, как и все работяги, потихоньку перетаскивал сэкономленные

материалы домой, хранил в погребе. Еще одна подробность одесского быта: во многих старых одесских домах во дворах имелись ходы в длинные, довольно глубокие погреба. Каждый жилец имел свою ячейку, запиравшуюся на замок, а то и на несколько запоров. Там хранили запасы на зиму: уголь, дрова, картошку, лук, чеснок, морковь и т. п. Запасы делались осенью. Обычно их почти хватало до нового урожая. Это давало значительную экономию, так как зимой цены на Привозе неимоверно вырастали. Там же, в погребе, отец из жести делал разные полезные вещи для домашнего хозяйства и для частных рыночных торговцев – противни, формы для печенья, ведра разных размеров, воронки. Особенно хорошо шли под Пасху формы для куличей. В квартире делать это он не мог: соседи бы начали спрашивать: «А что это вы там стучите?» – а по милой советской привычке могли и сами настучать куда надо, что сосед занимается кустарным производством на дому, а это при советской власти было уголовным преступлением, если ты не имел патента как инвалид-надомник. В погребе же, на глубине 2-3 метров, стук молотка и киянки не был слышен. Потом продукцию ночью выносил в корзине или ведре, прикрыв сверху картошкой. А в какие-то дни, соблюдая строжайшую конспирацию, относил перекупщикам, которые потом либо продавали с рук на Привозе или других рынках (Новом, Староконном, Слободском), либо левым образом продавали в скобяных лавках, куда не заглядывало дремлющее око ОБХСС. Отец оправдывал свою незаконную предпринимательскую деятельность тем, что материал он сэкономил благодаря своему высокому мастерству, что все равно весь оставшийся материал украдет прораб, который специально потом актирует брак, нормативные потери, и на машине отправит на село, а там колхозники с руками оторвут дефицит. Более высокое начальство, конечно, было в курсе всех этих манипуляций прорабов, более того, способствовало им и получало свою весомую долю. А изготовление на дому всякой жестиной всячины и продажу перекупщикам папа вообще не считал предосудительным, наоборот, говорил, что приносит пользу и себе, и людям, и делает все своими руками во время отпуска. Конечно, я как пионер в душе испытывал сильное неудобство, понимая,

что это все запрещенная деятельность, но не в Павлики же Морозовы мне было идти! Тем более что в быту постоянно ругали власть, которую называли на идиш «мелиха» (государство) или «зей» (они), а мой одноклассник и друг детства Король чуть ли не с четвертого класса уже рассказывал мне антисоветские анекдоты (про пионеров-комсомольцев, про Ленина, Сталина-Хрущева), впрочем, пожалуй, могу и напутать с моментом начала «антисоветской агитации и пропаганды». К счастью, времена уже были не сталинские, а в какой-то степени вегетарианские – за разговоры не сажали.

Неудобный график жизни кровельщика-жестянщика изменился после того, как отец уговорил моего брата Сашу уйти со своей жалкой в смысле зарплаты инженерной должности на киевском заводе и вернуться в Одессу, чтобы стать высокооплачиваемым кровельщиком-жестянщиком. При этом появлялся великолепный шанс уйти из гнусоватой общаги и вернуться в Одессу к маме и папе. Саша долго сопротивлялся, он любил столичную киевскую жизнь, Днепр, но в Одессе все-таки были море, родная семья, хорошие заработки... И согласился. Папа взял его в свою бригаду, где у него в подчинении было два, а иногда и три подмастерья из пригородной деревни. Отец обучил их простым операциям, но сам планировал работу и все сложные расчеты, связанные с хитроумным накручиванием более-менее нормальной сдельной оплаты на основе нищенских расценок, вел тонкие дипломатические переговоры с прорабами, нормировщиками и прочим начальством. Сам же и делал сложные работы на крыше, с которыми подмастерья не справились бы. Гордо себя именовал начальником бригады кровельщиков и слесарей-жестянщиков. Когда мама в чем-нибудь упрекала его, шутил, с пафосом провозглашая: «Ты знаешь, с кем говоришь? С бригадиром!». С приходом брата в бригаду отец связывал перспективы открытия нового фронта работ – промышленной вентиляции, где требовалось сооружать конструкции из множества труб-воздуховодов, сложных переходников, кожухов для огромных вентиляторов и прочих штуквин. Сложные фасонные элементы (диффузор – переход от круглого сечения к прямоугольному; штаны и тройник – переход от трубы большого диаметра на две или три трубы меньшего

диаметра; улитка – кожух для вентилятора с переходом на круглый или прямоугольный выхлоп, и др.) отец делать не умел, так как для раскройки заготовок требовались знания геометрии и инженерных расчетов. Появление брата в бригаде привело к «научно-технической революции». У брата было нормальное инженерное образование, хорошая голова и отличные руки, давно привыкшие к работе на станках в заводских цехах. Он быстро вник в специфику производства, почитал литературу. Дела сразу пошли хорошо. Посыпались заказы на создание вентиляционных систем в цехах, где при работе выделялась пыль, стружка, опилки, вредные испарения, да и просто было очень жарко и влажно. Потребность в вытяжной и приточной вентиляции была большая, а кадров было мало, так как большинство жестянщиков были такими же работягами без инженерного, а зачастую и без среднего образования, как наш папа (у него было образование четыре класса). Вентиляцию тем не менее делали, но при этом производительность труда была низкой, так как точно раскроить изделие жестянки старого закала не могли, и делали вначале на глазок, а потом, при нестыковке, разбирали изделие и подрезали-подгоняли вручную. Таким образом, наша бригада расширила виды работ и стала работать круглый год. В хорошую погоду больше на крышах, в плохую – в мастерских и цехах. Работа на крышах была гораздо выгоднее в смысле заработка, зато при работе по вентиляции была меньше зависимость от погоды и плохого прораба, транспорта, снабжения. Кроме того, брат постоянно совершенствовал технологию. Например, вычитал где-то, что существуют машинки, которые с помощью специальных валков делают на круглых трубах круговые выпуклые элементы, повышающие жесткость трубы, а затем нашел и купил на бригаду такую машинку – естественно, немецкую, еще довоенного происхождения.

Я начал работать с отцом и братом, еще не достигнув пятнадцати лет. Оформлен я был учеником слесаря-жестянщика в одесском СМУ треста «Укрторгстрой», контора которого располагалась недалеко от нашей средней школы № 92 – в ближнем к ней углу Кировского сквера (сейчас Старобазарный, а тогда в народе его называли Александровским). Причиной того, что я стал самым юным членом рабочей династии, была хрущевская реформа

образования. Тогда после восьмого класса ввели производственное обучение два раза в неделю, а преимущество при поступлении в вуз стали давать тем, кто имел производственный стаж не менее двух лет. Для получения полного среднего образования теперь следовало проучиться одиннадцать лет (одиннадцатилетка вместо классической десятилетки). Поэтому, если парень оканчивал школу в восемнадцать лет, то до призыва в армию (в девятнадцать лет в то время) он никак не мог заработать два года трудового стажа, чтобы иметь хорошие шансы поступить в вуз. Естественно, молодежь часто искала выход из этого положения. Выхода было два:

1. Перейти в вечернюю или заочную школу рабочей молодежи и устроиться на работу (в вечерней школе требовалась справка с места работы!).

2. Продолжить обучение в девятом-десятом-одиннадцатом классах средней школы и попытаться на год раньше (в семнадцать лет) сдать экзамены на аттестат зрелости экстерном – тогда можно было устроиться на работу, при этом усиленно готовиться в вуз, через год сделать попытку поступления и даже при неудаче отработать еще один год, и повторить попытку уже с двухгодичным производственным стажем. Правда, была опасность попасть в весенний призыв (если ты родился в первой половине года)!

Первый путь был гораздо проще, так как работу можно было подыскать нетяжелую, до шестнадцати лет длительность рабочего дня составляла четыре часа, потом шесть часов, давался дополнительный отпуск. Справку с места работы можно было получить и липовую, если договориться с начальником, отдавать ему всю зарплату и бдительно относиться к возможным проверкам. А самые циничные граждане просто покупали для своих отпрысков справки у некоторых кадровиков-лихоимцев. Интересно, что к варианту «вечерняя школа» прибегали не только мальчишки, а просто все, кто не хотел сильно напрягать мозги в обычной дневной школе. В вечерней школе требования к рабочей молодежи были сильно занижены, и уже сама явка на урок гарантировала тройку или четверку, даже если ученик нагло читал заданный урок из учебника или (на уроках болтологического характера – литературы, истории, обществознания) нес какую-нибудь обобщенную лабуду.

Замечу, что ни я, ни кто-либо из моих друзей не был циником. Мы искренне решили, что нет худа без добра, что можно получить какую-нибудь полезную специальность, принести пользу семье своим небольшим заработком, получить законное право на карманные деньги, заработать необходимый для поступления в вуз трудовой стаж и без особого труда получить отличный аттестат, уделяя внимание только тем предметам, по которым нужно было сдавать приемные экзамены в вуз, кому что было нужно (математика, физика, химия, иностранный язык, история, биология). Поэтому мы работали по-настоящему. Мой друг Гена, умевший отлично чертить и читать чертежи, стал модельщиком на судоремонтном заводе, имея в виду в дальнейшем поступать в водный институт (официальное название – Институт инженеров морского флота), что он и сделал впоследствии. Приятель Гриша по кличке Варшава стал фрезеровщиком на заводе сельскохозяйственного машиностроения им. Октябрьской революции (хорошо известный в Одессе ЗОР), собираясь поступать в будущем в политехнический институт. Оба они были довольны тем, что узнали много о технологии производства, научились работать на станках, увидели рабочую среду и такие отношения между людьми, которые в их интеллигентских семьях были известны лишь понаслышке. Ну и сам факт, что ты своим трудом зарабатываешь деньги (не такие уж маленькие по тем временам – семьдесят-девять рублей в месяц после получения разряда), приносил моральное удовлетворение. С другой стороны, им стало понятно, насколько интереснее интеллектуальная работа. Еще один приятель, по кличке Морда, устроился работать в одесском порту и, будучи физически крепким, после достижения шестнадцати лет вошел... в бригаду грузчиков, стал довольно много зарабатывать, шутить: «А у нас, у грузчиков...» – выпивать, активно встречаться с девушками (а для этого обычно нужны деньги), учебу забросил полностью, считая, что родители как-нибудь устроят его в среднее мореходное училище, и вообще стал поглядывать на нас несколько свысока. Глубокое погружение в рабочую среду не всегда благотворно влияло на неокрепшие юные души, да и обстановка в вечерней школе действовала разлагающе. Возможно, поэтому родители Гены (не помню уже точно,

по какой конкретно причине, видимо, по совокупности таковых) взяли курс на то, чтобы он сдал экзамены на аттестат зрелости досрочно, на год раньше. По ряду предметов обучали его своими силами, так что он, выполнив за полгода программу полутора лет, поступил-таки в водный на кораблестроительный факультет. Мы с Варшавой не могли самостоятельно серьезно подготовиться к экзаменам по всем предметам, кроме физики и математики, а к экстернам экзаменационные комиссии относились весьма строго. Зато мы без зазрения совести пропускали уроки астрономии в вечерней школе и вместо этого ходили в педагогический институт в Школу юных математиков.

Итак, я начал работать. Брат учил меня делать геометрические построения на листе железа (кстати, нелуженую жечь называли просто железом), показал, что такое развертка трехмерных фигур на плоскости – конус, цилиндр, параллелепипед, сегмент круглого колена (сделанный из жести плавный переход между двумя цилиндрическими трубами, оси которых направлены под углом друг к другу) и др. Вот тут-то я и почувствовал практическую пользу геометрии и тригонометрии. Например, я знал, что если плоскость пересекает ось цилиндра под острым углом, то в сечении цилиндра будет эллипс, но с удивлением узнал, что развертка этого эллипса является синусоидой. Я научился практическим упрощенным способам построения разных разверток, работе железным циркулем и линейкой, стал чертить по листу железа острым стальным стержнем, а отец научил резать по чертежу-раскройке мощными ножницами для железа (жести), формировать киянкой на оправке (длинный стальной брус квадратного сечения) буртик, или замок, для соединения разных элементов.

Работа жестянщика проходила в мастерской и в цехах, требовала значительных усилий, часто было очень шумно и скверно пахло. Гораздо больше мне нравилась работа кровельщика. Там была определенная романтика. Когда крышу крыли рубероидом, то я был костровым, другими словами, разжигал костер и в большой бочке растапливал смолу (так одесские кровельщики называли битум), поддерживал огонь и наливал черпаком жидкую смолу в ведро, с помощью блока поднимал ведро со смолой на крышу, где его принимали другие члены бригады (это до-

вольно сложно, важно не пролить!). Тогда я узнал замечательные морские слова «вира» (поднимай), «майна» (опускай). Работал я и на крыше, раскладывал рубероид, макал квач в ведро со смолой, намазывал ее на подложку и сверху накатывал-наклеивал рубероид. Физически это было довольно тяжело. Когда крышу крыли железом или чугунной черепицей, я подтаскивал листы, прибивал листы гвоздями, но всю подготовку, раскладку и окончательную заделку, а также контроль качества выполнял отец – если брат был королем вентиляции, то отец был король кровельных дел. Но больше всего я любил красить крышу – либо новую, то есть крытую новым железом или чугунной черепицей, либо залатанную в разных местах отцом, который славился мастерством отыскивания источников протечек – даже самые незаметные дырочки в железе, проделанные ржавчиной и скрытые вздувшейся краской, не ускользали от его внимания. Я тоже этому научился и при ремонте часто готовил для отца фронт работ.

До сих пор не могу забыть ощущение свободы при работе на крыше одесского института связи. Институт располагался в самом начале Кузнечной улицы, в доме № 1 (и сейчас располагается, только называется Одесская национальная академия связи (во как!), а улица стала на украинский манер Ковальской). Рядом расположены одесская консерватория, кирха, музыкальное училище. Крыша огромная, а я один с ведром краски и кистью. Когда краска заканчивалась, я на чердаке из сурика, олифы и белил делал новую смесь, и эта «художественная» деятельность мне тоже нравилась. Крыша была замечательная, не крутая, хотя наклон весьма ощутимый. Главным ее достоинством, которое редко встречалось, были ограждения в виде металлических решеток или каменных стенок. Поэтому, даже поскользнувшись, нельзя было упасть с крыши. Особенно это спасало от страха, когда надо было красить участки у края крыши. До сих пор не могу забыть острые ощущения от крыши четырехэтажного дома, которую мы делали рядом с Привозом. Она была весьма крутая и без всякого ограждения. Если где-то случайно накапана или разлита краска, можно запросто поскользнуться и съехать с крыши. Было страшновато, но когда я был мальчиком, то почти не боялся высоты – мог уверенно красить желоба и водосточные спуски у края

крыши, однако по совету отца старался не глядеть долго вниз (хоть иногда все-таки смотрел туда, ощущая легкий холодок в животе). На еще более крутых крышах отец уже требовал привязываться веревкой, зацепленной за конек или стропило, хотя сам не всегда привязывался, такой был отчаянный.

А на крыше института связи можно было танцевать и бегать. Дело было в апреле или мае, еще не было жарко, но солнышко заметно припекало, и во время обеда можно было понежиться на прогретой крыше под ласковыми лучами, а тело обдувал легкий морской ветерок. Да и работать, раздевшись до пояса, было приятно. Самое же большое удовольствие я получал, когда через каждые полчаса останавливался на минуту отдохнуть от интенсивных движений, оглядывался вокруг и смотрел на разные районы Одессы, вдыхая весенний воздух.

Еще одну нотку в общий подъем духа вносило некое чувство коммерческого удовлетворения тем, что я работаю на семью (как сказали бы сейчас – на команду) и хорошо при этом зарабатываю. Покраска крыш считалась выгодной работой, за день даже пацан моего возраста мог выкрасить сто квадратных метров (разумеется, работая шустро, не сачкуя, но и не халтуря), а каждый квадратный метр стоил от семи до десяти копеек в зависимости от того, как бригадир сумел договориться с прорабом. То есть за рабочий день можно было заработать семь-десять рублей, что по тем временам (в 1962 году) считалось хорошими деньгами. Замечу, что официальные расценки были еще ниже – пять или даже четыре копейки, но отец умел договариваться, и меньше чем по восемь копеек за метр мы никогда не получали. Я помню, как отец радовался, что крыша такая удобная, а он внушил прорабу, что там много повреждений, и их надо латать, а еще много слуховых окон и брандмауэров, и тот согласился заплатить по десять копеек за метр. Другой вопрос, как же удавалось прорабу платить работягам требуемую цену, – здесь действовала хитрая система приписок, и никто лучше отца не знал, как нарисовать в смете кучу мифических необходимых работ. За это прорабы очень уважали отца, так как он избавлял их от необходимости самим ломать голову, чтобы накрутить нужную цену. Это был симбиоз, так как существовал негласный обычай «заносить» прорабу его долю после

оплаты работ (иногда бухгалтерия могла без всяких объяснений срезать смету, но в «нормальных» строительных организациях прорабы в свою очередь «заносили» бухгалтерам и начальникам). Таким вот образом повсеместно действовала система приписок и, как сейчас принято говорить, откатов, которая хоть как-то компенсировала поистине нищенские расценки и зарплаты.

Интересно, что вслух никто никому ничего не обещал, никакие цифры не назывались, упаси боже! Тут страх был посильнее, чем на крутой крыше, – боялись провокаций и ОБХСС. Действовала какая-то интуитивная система пропорций. Если кто-то жадничал и «заносил» мало, то в следующий раз прораб отдавал выгодную работу другой бригаде, так что постепенно все само собой устаканивалось. Тот, кто боялся или не умел приписывать объемы работ, договариваться и «заносить», был обречен тяжело вкалывать по официальным расценкам и при этом прозябать. Так что уже с юных лет я получил первые уроки народной коммерции. Так закалялась жесьть!

Озирая издали этот период своей юности, вижу большую пользу, которую мне принесла работа кровельщиком-жестянщиком. Я сильно окреп физически и научился делать своими руками нужные вещи. Понял, как нелегко заработать на хлеб насущный, и насколько умственный труд приятнее и интереснее (если правильно выбрать!) физического. Увидел, как разительно отличаются реальные условия труда и производственные отношения от того, что пишут в газетах, книгах, говорят по радио и показывают по телевизору. Увидел, как сильно отличаются настоящие рабочие от бумажных, увидел во всей красе пьянство, воровство (причем не только то, которое красиво называлось «хищением социалистической собственности» и даже не особенно осуждалось, если не носило крупных размеров, но и прямое воровство у своих же товарищей, что справедливо всеми считалось омерзительным), халтуру (к которой квалифицированные рабочие относились с глубоким презрением; кстати, с тех пор я тоже терпеть не могу ни халтуру, ни халтурщиков), приписки, убожество технической и технологической базы, безграмотность большинства рабочих и т. д. и т. п. Осознал, что хотя и не смогу так же успешно и добычливо, как отец и брат, зарабатывать на жизнь физическим

трудом, но если жизнь прижмет, то все-таки не пропаду – хоть и буду мучиться, но прокормиться как-то сумею. Брат мне говорил: «Тебе надо очень хорошо учиться, чтобы зарабатывать на жизнь головой, потому что руки у тебя не тем концом и не туда вставлены». Было обидно, но в определенной степени справедливо. С другой стороны, было очень полезно наглядно прочувствовать, как физика и математика, которые мы проходили в школе, прямо используются в технике, в производстве нужных людям вещей.

И самое главное. Работа с родными людьми, отцом и братом, очень много мне дала в духовном отношении. Я увидел их талант, ловкость, изобретательность, взаимную поддержку. Они перелили в меня свои знания и навыки, дали какие-то правильные понятия об отношении к своему и чужому труду, много шутили, научили относиться ко всяким трудностям и безобразиям с юмором. Возникла такая полная общность, какой, мне кажется, трудно достигнуть, если не делаешь вместе серьезную трудную работу. Ощущение взаимной любви и теплоты я помню до сих пор.

